

Александр Степанович Грин

Победитель

Александр Степанович Грин

Победитель

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=271592

Аннотация

Бедствующий скульптор уничтожает свою работу...

Содержание

I	4
II	9

Александр Степанович Грин Победитель

Скульптор, не мни покорной

И вязкой глины ком...

Т. Готье

I

– Наконец-то фортуна пересекает нашу дорогу, – сказал Геннисон, закрывая дверь и вешая промокшее от дождя пальто. – Ну, Джен, – отвратительная погода, но в сердце моем погода хорошая. Я опоздал немного потому, что встретил профессора Стерса. Он сообщил потрясающие новости.

Говоря, Геннисон ходил по комнате, рассеянно взглядывая на накрытый стол и потирая озябшие руки характерным голодным жестом человека, которому не везет и который привык предпочитать надежды обеду; он торопился сообщить, что сказал Стерс.

Джен, молодая женщина с требовательным, нервным выражением сурово горящих глаз, нехотя улыбнулась.

– Ох, я боюсь всего потрясающего, – сказала она, приступая было к еде, но, видя, что муж взволнован, встала и подо-

шла к нему, положив на его плечо руку. – Не сердись. Я только хочу сказать, что когда ты приносишь «потрясающие» новости, у нас, на другой день, обыкновенно, не бывает денег.

– На этот раз, кажется, будут, – возразил Геннисон. – Дело идет как раз о посещении мастерской Стерсом и еще тремя лицами, составляющими в жюри конкурса большинство голосов. Ну-с, кажется, даже наверное, что премию дадут мне. Само собой, секреты этого дела – вещь относительная; мою манеру так же легко узнать, как Пунка, Стаорти, Бельграва и других, поэтому Стерс сказал: – «Мой милый, это ведь ваша фигура „Женщины, возводящей ребенка вверх по крутой тропе, с книгой в руках“»? – Конечно, я отрицал, а он докончил, ничего не выпытав от меня: – «Итак, говоря условно, что ваша, – эта статуя имеет все шансы. Нам, – заметь, он сказал „нам“, – значит, был о том разговор, – нам она более других по душе. Держите в секрете. Я сообщаю вам это потому, что люблю вас и возлагаю на вас большие надежды. Поправляйте свои дела».

– Разумеется, тебя нетрудно узнать, – сказала Джен, – но, ах, как трудно, изнемогая, верить, что в конце пути будет наконец отдых. Что еще сказал Стерс?

– Что еще он сказал, – я забыл. Я помню только вот это и шел домой в полусознательном состоянии. Джен, я видел эти три тысячи среди небывалого радужного пейзажа. Да, это так и будет, конечно. Есть слух, что хороша также работа Пунка, но моя лучше. У Гизера больше рисунка, чем анатомии. Но

отчего Стерс ничего не сказал о Ледане?

– Ледан уже представил свою работу?

– Верно – нет, иначе Стерс должен был говорить о нем. Ледан никогда особенно не торопится. Однако на днях он говорил мне, что опаздывать не имеет права, так как шесть его детей, мал мала меньше, тоже, вероятно, ждут премию. Что ты подумала?

– Я подумала, – задумавшись, произнесла Джен, – что, пока мы не знаем, как справился с задачей Ледан, рано нам говорить о торжестве.

– Милая Джен, Ледан талантливее меня, но есть две причины, почему он не получит премии. Первая: его не любят за крайнее самомнение. Во-вторых, стиль его не в фаворе у людей положительных. Я ведь все знаю. Одним словом, Стерс еще сказал, что моя «Женщина» – удачнейший символ науки, ведущей младенца – Человечество – к горной вершине Знания.

– Да... Так почему он не говорил о Ледане?

– Кто?

– Стерс.

– Не любит его: просто – не любит. С этим ничего не поделаешь. Так можно лишь объяснить.

Напряженный разговор этот был о конкурсе, объявленном архитектурной комиссией, строящей университет в Лиссе. Главный портал здания было решено украсить бронзовой статуей, и за лучшую представленную работу город обещал

три тысячи фунтов.

Геннисон съел обед, продолжая толковать с Джен о том, что они сделают, получив деньги. За шесть месяцев работы Геннисона для конкурса эти разговоры еще никогда не были так реальны и яркие, как теперь. В течение десяти минут Джен побывала в лучших магазинах, накупила массу вещей, переехала из комнаты в квартиру, а Геннисон между супом и котлетой съездил в Европу, отдохнул от унижений и нищеты и задумал новые работы, после которых придут слава и обеспеченность.

Когда возбуждение улеглось и разговор принял не столь блестящий характер, скульптор утомленно огляделся. Это была все та же тесная комната, с грошовой мебелью, с тенью нищеты по углам. Надо было ждать, ждать...

Против воли Геннисона беспокоила мысль, в которой он не мог признаться даже себе. Он взглянул на часы – было почти семь – и встал.

– Джен, я схожу. Ты понимаешь – это не беспокойство, не зависть – нет; я совершенно уверен в благополучном исходе дела, но... но я посмотрю все-таки, нет ли там модели Ледана. Меня интересует это бескорыстно. Всегда хорошо знать все, особенно в важных случаях.

Джен подняла пристальный взгляд. Та же мысль тревожила и ее, но так же, как Геннисон, она ее скрыла и выдала, поспешно сказав:

– Конечно, мой друг. Странно было бы, если бы ты не ин-

тересовался искусством. Скоро вернешься?

– Очень скоро, – сказал Геннисон, надевая пальто и беря шляпу. – Итак, недели две, не больше, осталось нам ждать. Да.

– Да, так, – ответила Джен не очень уверенно, хотя с веселой улыбкой, и, поправив мужу выбившиеся из-под шляпы волосы, прибавила: – Иди же. Я сяду шить.

II

Студия, отведенная делам конкурса, находилась в здании Школы Живописи и Ваяния, и в этот час вечера там не было уже никого, кроме сторожа Нурса, давно и хорошо знавшего Геннисона. Войдя, Геннисон сказал:

– Нурс, откройте, пожалуйста, северную угловую, я хочу еще раз взглянуть на свою работу и, может быть, подправить кой-что. Ну, как – много ли доставлено сегодня моделей?

– Всего, кажется, четырнадцать. – Нурс стал глядеть на пол. – Понимаете, какая история. Всего час назад получено распоряжение не пускать никого, так как завтра соберется жюри и, вы понимаете, желают, чтобы все было в порядке.

– Конечно, конечно, – подхватил Геннисон, – но, право, у меня душа не на месте и беспокойно мне, пока не посмотрю еще раз на свое. Вы меня поймите по-человечески. Я никому не скажу, вы тоже не скажете ни одной душе, таким образом это дело пройдет безвредно. И... вот она, – покажите-ка ей место в кассе «Грилль-Рума».

Он вытащил золотую монету – последнюю – все, что было у него, – и положил в нерешительную ладонь Нурса, сжав сторожу пальцы горячей рукой.

– Ну, да, – сказал Нурс, – я это очень все хорошо понимаю... Если, конечно... Что делать – идем.

Нурс привел Геннисона к темнице надежд, открыл дверь,

электричество, сам стал на пороге, скептически окинув взглядом холодное, высокое помещение, где на возвышениях, покрытых зеленым сукном, виднелись неподвижные существа из воска и глины, полные той странной, преображенной жизненности, какая отличает скульптуру. Два человека разное смотрели на это. Нурс видел кукол, в то время как боль и душевное смятение вновь ожили в Геннисоне. Он заметил свою модель в ряду чужих, отточенных напряжений и стал искать глазами Ледана.

Нурс вышел.

Геннисон прошел несколько шагов и остановился перед белой небольшой статуей, вышиной не более трех футов. Модель Ледана, которого он сразу узнал по чудесной легкости и простоте линий, высеченная из мрамора, стояла меж Пунком и жалким размышлением честного, трудолюбивого Пройса, давшего тупую Юнону с щитом и гербом города. Ледан тоже не изумил выдумкой. Всего-навсего – задумчивая фигура молодой женщины в небрежно спадающем покрывале, слегка склоняясь, чертила на песке концом ветки геометрическую фигурку. Сдвинутые брови на правильном, по-женски сильном лице отражали холодную, непоколебимую уверенность, а нетерпеливо вытянутый носок стройной ноги, казалось, отбивает такт некоего мысленного расчета, какой она производит.

Геннисон отступил с чувством падения и восторга. – «А! – сказал он, имея, наконец, мужество стать только художни-

ком. – Да, это искусство. Ведь это все равно, что поймать луч. Как живет. Как дышит и размышляет».

Тогда – медленно, с сумрачным одушевлением раненого, взирающего на свою рану одновременно взглядом врача и больного, он подошел к той «Женщине с книгой», которую сотворил сам, вручив ей все надежды на избавление. Он увидел некоторую натянутость ее позы. Он всмотрелся в наивные недочеты, в плохо скрытое старание, которым хотел возместить отсутствие точного художественного видения. Она была относительно хороша, но существенно плоха рядом с Леданом. С мучением и тоской, в свете высшей справедливости, которой не изменял никогда, он признал бесспорное право Ледана делать из мрамора, не ожидая благосклонного кивка Стерса.

За несколько минут Геннисон прожил вторую жизнь, после чего вывод и решение могли принять только одну, свойственную ему, форму. Он взял каминные щипцы и тремя сильными ударами обратил свою модель в глину, – без слез, без дикого смеха, без истерики, – так толково и просто, как уничтожают неудавшееся письмо.

– Эти удары, – сказал он прибежавшему на шум Нурсу, – я нанес сам себе, так как сломал только собственное изделие. Вам придется немного здесь подмести.

– Как?! – закричал Нурс, – эту самую... и это – ваша... Ну, а я вам скажу, что она-то мне всех больше понравилась. Что же вы теперь будете делать?

– Что? – повторил Геннисон. – То же, но только лучше, – чтобы оправдать ваше лестное мнение обо мне. Без щипцов на это надежда была плоха. Во всяком случае, нелепый, бородатый, обремененный младенцами и талантом Ледан может быть спокоен, так как жюри не остается другого выбора.